

БОРЬБА

СОДЕРЖАНИЕ

НА ФРОНТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В СОВНАРКОМЕ СОЮЗА ССР И ЦК ВКП(б)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) И СНК СОЮЗА ССР

И. СТАЛИН, А. ЖДАНОВ, С. КИРОВ

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ КОНСПЕКТА УЧЕБНИКА
ПО „ИСТОРИИ СССР“

И. СТАЛИН, А. ЖДАНОВ, С. КИРОВ

ЗАМЕЧАНИЯ О КОНСПЕКТЕ УЧЕБНИКА „НОВОЙ ИСТОРИИ“

Н. БУХАРИН

НУЖНА ЛИ НАМ МАРКСИСТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

В. БЫСТРЯНСКИЙ

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ СССР

П. ЕФРЕМОВ

XIV СЕЗД ПАРТИИ – СЕЗД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ

ЖЮЛЬ РОШЕ

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ФРАНЦИИ НА БОЕВОМ ПОСТУ

В. БОГДАНОВ

СМОЛЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ „ЧЕРНЫХ ЛЮДЕЙ“ В 1440 г.

Е. ЗВЯГИНЦЕВ

ОГНЕНОЕ ЗАПАЛЕНИЕ МОСКВЫ

И. РАЗГОН

„КУБАНСКОЕ ДЕЙСТВО“. РАЗГРОМ КУБАНСКОЙ РАДЫ
ГЕНЕРАЛОМ ДЕНИКИНЫМ

В. БАНИНСКИЙ

БОЙ В ЧЕЛМУЖАХ. ИЗ ИСТОРИИ ОТРЯДА Т. СПИРИДОНОВА

А. ДУБРОВИНСКАЯ

ПОМОЩЬ МОСКОВСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ ФРОНТАМ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

А. МИШУЛИН

ОЧЕРК О КИТАЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

З. ЦЕЙТЛИН

ПРОЦЕСС ГАЛИЛЕЯ

И. БАС

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ БАБУШКИН

КЛАССОВ

веб-публикация: Vive Liberta, 2014

ФЕВРАЛЬ
1936

№

2

Николай Иванович Бухарин

НУЖНА ЛИ НАМ МАРКСИСТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА?

(О НЕКОТОРЫХ СУЩЕСТВЕННО ВАЖНЫХ, НО НЕ СОСТОЯТЕЛЬНЫХ ВЗГЛЯДАХ Т. М. Н. ПОКРОВСКОГО)

В связи с форсируемой работой по составлению исторических учебников и с теми указаниями, которые на этот счет были даны в замечаниях товарища Сталина, нелишне остановиться на некоторых весьма существенных взглядах М. Н. Покровского, взглядах, которые, «овладевая массами» историков, послужили, в особенности за последнее время, отнюдь не к укращению нашего исторического фронта, а, наоборот, сузили размах работы, привели к целому ряду вульгарных извращений марксизма и духовному обеднению советской исторической науки. Было бы исторической несправедливостью отрицать заслуги покойного нашего историка в ообще: на него самого надо посмотреть исторически. М. Н. Покровский провел блестящую работу по разрушению консервативных, буржуазных и мелкобуржуазных исторических концепций. Карамзин и Чичерин, славянофилы, Щапов, Ключевский и Милюков, даже Плеханов — все они пупали под остро отточенную бритву его беспощадного критического анализа. М. Н. Покровский, преодолев целый ряд односторонностей Н. А. Рожкова, выступил и как первый русский марксист, владевший материалом в масштабе всей «русской» истории, как крупный ученый — марксист-историк. Все это так. Но теперь, когда наши познавательные запросы выросли на

несколько ступеней, а вслед за успешным разрешением наиболее важных задач социалистического строительства пришла очередь серьезно взяться и за нашу историческую науку, — теперь уже достаточно ясно видны узость и ограниченность исторических концепций М. Н. Покровского, отсутствие настоящей марксистской диалектики, вульгарная трактовка многих основных методологических проблем, где за левой фразой и теоретическими парадоксами прятались мысли, тормозившие рост исторической науки. И то, что казалось тов. Покровскому особо плодотворными и конечными его достижениями, нередко было на самом деле уже мертвящими путями на развитии советской науки. Эту сторону дела мы и подвергаем разбору в настоящей статье.

I. Об истории как науке и об истории как „политике, опрокинутой в прошлое“

М. Н. Покровский имеет, как сказано, большие заслуги в деле разоблачения буржуазной исторической науки, в деле анализа ее классовых корней, разоблачения ее фальсификаций и т. д. Но М. Н. Покровский совершенно запутал принципиальный вопрос об истории, как науке, которая познает об'ективную действительность и вскрывает об'ективные закономерности исторического процесса. Он оказался не в состоянии диалектически понять, что наука, будучи классовой, все же познает действительность; что даже буржуазная наука (например, в эпоху, когда буржуазия была прогрессивной) приближалась к познанию этой действительности (на ступени своего паразитарного вырождения, напуганная революционными выступлениями пролетариата, буржуазия плохую, но все же науку заменила чистой апологией и системой фальсификаторов); что у пролетариата его классовая позиция не только не противоречит об'ективности истории, но, наоборот, совпадает с нею и обеспечивает эту об'ективность, в противоположность буржуазии, у которой классовая ее по-

зация ограничивает исторические горизонты и приводит к искривленному и фальшивому отображению исторического процесса, а классовая корысть заставляет защищать господство капитала. Классовые «очки», через которые рассматривает исторический процесс буржуазная наука, извращают действительность и позволяют видеть только кусочек ее; классовые «очки» пролетариата (не боящегося перспектив, не боящегося смотреть *и назад, и вперед*) способствуют развитию исторической дальновидности и правильно отражают действительные связи и действительных исторических процессов.

Тов. Покровский не только валит в одну кучу все фазы развития буржуазной науки и фазы ее вырождения, но берет за одни скобки науку буржуазии и науку пролетариата! Вместо того, чтобы показать эту диалектику «классово-суб'ективного» и «исторически-об'ективного», тов. Покровский выдвинул формулу, что история есть «политика, о проекинутая в прошлое», и об'явил «об'ективную историю» выдумкой буржуазии. Во всей проблеме исторического познания у него осталась лишь одна, отдельно взятая классово-суб'ективная сторона, одни «классовые очки»; а реальный процесс познания об'ективной действительности, систематическое приближение к об'ективной истине, сама об'ективная действительность с ее об'ективными закономерностями у него исчезли.

Так же антидиалектически он ставил и проблему «партийности» исторической науки. По-нашему, по-марксистски, по-ленински, по-сталински, чем «партийнее» наука истории (т. е. чем она пролетарски-классово выдержаннее, ортодоксальнее в идеологическом отношении), тем она истиннее, тем вернее она отображает об'ективную действительность, тем она, следовательно, об'ективнее (именно в соответствии с действительностью) и лежит основной критерий научной истины, как это подробно выяснено

Лениным в борьбе с эмпириокритиками). С другой стороны, чем наука истиннее, чем она об'ективнее (не в струвианском смысле статической и безжизненной простой фотографии, но с выделением движущих сил, с заглядыванием в будущее, с мостиком к действию), тем она практически полезнее. Так— и только так— ставил вопрос Ленин вслед за Марксом и Энгельсом.

А М. Н. Покровский вместо того, чтобы выхватить у буржуазных ученых знамя об'ективной науки, им мало подходящее и живоими выставляемое, задумал похоронить «об'ективную науку» историю, всячески издевался над «об'ективными закономерностями», видя в этом особенно революционную постановку вопроса и наивно не замечая, что он впадает здесь в «суб'ективную социологию», в сорелевское «социальное мифотворчество», в своеобразное бергсонианство и вульгарный волютизм, что он хоронит историю, как науку. Ибо, если нет об'ективных закономерностей и их нечего познавать; если классовость науки и для пролетариата исключает ее об'ективность, то в чем же тогда состоит наука? Ее, очевидно, нет и быть не может.

Наука истории есть идеология, — говорит тов. Покровский. Верно. «Что такое идеология?» — спрашивает он далее. И отвечает: «Это есть отражение действительности в умах людей сквозь призму их интересов, главным образом, интересов классовых»¹. Не особенно точно, но в общем верно. Далее: «Идеология, т.-е. отражение фактов... вогнутом или выпуклом зеркале с чрезвычайно неправильной поверхностью»². Здесь начинается падение в пропасть. Позвольте, а марксизм, это — тоже «кривое зеркало»?

Или он же идеология пролетариата?.. Ни тени анализа разных

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. I. Сб. под ред. А. С. Бубнова, М. Савельева, В. Адоратского, Н. Лукина, В. Милитина, В. Максакова, Е. Пашуканиса, С. Сефа. Стр. 10.

² Там же.

«зеркал»! Даже у буржуазии в разные периоды были, как известно, не одноковые «зеркала». Если сравнить, например, работы так называемых французских «историков времен революции» с теперешними фашистскими профессорами истории, то в первом случае мы найдем, при всех ошибках и непоследовательностях, все же историческую науку, тогда как у теперешних фашистских профессоров — одну голую фальсификацию и апологетику фашизма. Они относятся друг к другу так, как, примерно, относятся Смит и Рикардо к экономическим пустобрехам современной буржуазии. А М. Н. Покровский об'явил и историческую теорию Маркса «кривым зеркалом»!

Идем еще дальше. «В особенности буржуазная демократия в своей системе одурачивания масс выработала эту формулу «об'ективной» истории, каковая формула, к сожалению, до сих пор еще затуманивает взоры многих наших товарищей»¹. Вот это логика! Так как буржуазия надувала массы, выдавая свои кривые зеркала за телескопы, то мы должны и своей марксистской настоящей телескоп выдавать за кривое зеркало! Отсюда вывод: «История есть опрокинутая в прошлое политика». И точка. А вопрос об ее истинности? Это — «неинтересно».

Так грубо антидиалектически тов. Покровский оторвал действительность от науки, наблюдаемое от «призмы», об'ективную причинность от субъективных целей, и... совершил хауки над самим собой, как над историком. Рано или поздно история должна была отомстить и за себя, и за него самого.

II. Социология и история, законы и факты, абстрактное и конкретное в исторической науке

При таком наплевательском отношении к вопросам истинности исторического познания неизбежно должно было образоваться пренебрежение к фактам. Очень нужная задача критики противников

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. II, стр. 394.

«пожрала» у Покровского интерес и к историческим фактам, и к построению на их основе тщательно проверенных обобщений. Как известно, марксов «Капитал» носит подзаголовок «Критика политической экономии». Но эта «критика политической экономии» буржуазии не мешала Марксу ни собирать гигантское количество фактов, ни проверять их, ни делать свои собственные обобщения на гранитном фундаменте этих фактов. Маркс исходил из поисков об'ективной, истинной теории, а не из путей на создание социального мифа. Не «к онъюнктурные, мелкие «потребности дня» заставили его сесть за «Капитал», а коренные вопросы движения передового класса, желание изучить законы этого движения. Поэтому он пришел к столь об'ективным, столь истинным выводам, что они оправдываются теперь в полной мере, что они служат и по сей день рычагами величайшей практики.

Но так как Покровского мало заботил вопрос об «об'ективности» науки, то он мало заботился и о фактах. С этой точки зрения очень характерен был еще отзыв Ленина о кратком курсе русской истории М. Н. Покровского. Владимир Ильич очень осторожно (это ведь была первая книжка такого типа), но очень глубоко по существу, пытался «поправить» работу Покровского. Он предложил дать в приложении фактический материал в синхронистических таблицах. И писал при этом:

«Учащиеся должны знать И Вашу книгу, И указатель, чтобы не было верхоглядства, чтобы ЗНАЛИ ФАКТЫ, чтобы учились сравнивать старую науку и новую»².

Тов. Ленин схватил, как всегда, самую суть дела, дал и точный диагноз (отсутствие фактов, неумение диалектически связать абстрактное и конкретное), и точный прогноз (верхоглядство, которое расцвело потом пышным цветом на основе «установок» тов. М. Н. Покровского).

Здесь чрезвычайно ярко сказалось отсутствие правильного понимания материалистической диа-

² Ленин. Соч. Т. XXIX, стр. 442.

лектики, в особенности диалектики абстрактного и конкретного. Известно, что в материалистической диалектике абстрактное не является отвратительной сухой мумией, а включает все богатство конкретных определений. Поэтому диалектическая «абстрактная схема» не может быть сухой и неконкретной, в противоположность абстрактным схемам обычной формальной логики. В самом изложении нужно, следовательно, сочетать социологические положения с их конкретным историческим выражением. Еще Гегель писал: «История учит, что народы и правительства никогда ничему не учились из истории: каждое время для этого слишком индивидуально». А Ленин, читая это место из «Философии истории» Гегеля, отмечал: «Очень умно!» И делал вывод: необходимо изучение всех особенностей данной полосы развития, живой исторической конкретности (николько не отрицая больших общений, а, наоборот, стремясь к ним), ибо только такое изучение дает возможность «извлекать уроки», т.-е. действительно учиться у истории. В свое время Ленин писал:

«Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе об'ективного положения вещей и об'ективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»¹ (подчеркнуто мной.—Н. Б.).

Люди сами делают свою историю, и об'ективный ход событий есть об'ективированный результат их действий, исторический «продукт». Поэтому материалистическое понимание истории равно далеко и от суб'ективизма и от фаталистического автомата в понимании исторического процесса. Но поэтому же материалистическая диалек-

тика не отрывает социологического обобщения от исторического факта, обобщенных событий от их агентов и носителей, «об'ективного положения вещей» от «отдельных личностей, групп, организаций, партий». Это есть живая историческая диалектика. Она требует труда. Она исключает всякое «верхоглядство». Она — противница всякой мертвой схемы. Она — смертельный враг тех абстракций, превращения исторического изучения и на учного творчества в сочинение — хотя бы и остроумных — схематических вымыслов, в производство якобы полезных, с кондачка сделанных, социальных мифов всякого рода. Наоборот, говоря словами Ленина, нужна «полная научная трезвость в анализе об'ективного положения вещей» с признанием и значения «отдельных личностей, групп» и т. д.

Можно исторически понять ошибку тов. Покровского. В прежней историографии, которая имеет свои корни еще в придворных хрониках царей, эти последние рассматривались, как единственные божественные творцы исторического процесса, чудотворные делатели истории, лепившие ее по своему усмотрению и произволу. Этой историографии тов. Покровский противопоставил попытку общенного рассмотрения исторического процесса, т.-е. рассмотрения общественно-исторических формаций. Но он оторвал (опять-таки совершенно немарксистски и недиалектически) общество от его «агентов», целое от его частей, абстрактное от конкретного, социологию от истории, «законы» от «фактов». Раньше мы видели, что он оторвал процесс об'ективного познания от суб'ективно-классовых моментов и просто напросто зачеркнул первое (долой «об'ективную» науку!). Здесь он тоже разделся поп-простецки: он зачеркнул... факты. Как потом он ни старался говорить о «конкретном», ничего конкретного не получалось, и многие его воспитанники то-нули в схоластических словопрениях и в том «верхоглядстве», которого так опасался т. Ленин.

Можно, пожалуй, спросить: как же умещались в концепции тов. Покров-

¹ Ленин. Соч. Т. XII, стр. 32.

ского оба эти «зачеркивания»? Ответить на этот вопрос можно только так, что эта путаница в кадре есть выражение основной ошибки тов. Покровского, а именно—его непонимания той истины, что «субъективно-классовое» у пролетариата не противоположно об'ективному, а полностью совпадает с об'ективным, с тенденцией развития об'ективного, в виду чего противопоставление первого второму есть абсурд.

III. Теория и практика в исторической науке и измельчание теории

Последним «достижением» своего творчества на историческом фронте тов. Покровский считал свои «установки» по вопросу о том, как понимать соотношение теории и практики с точки зрения марксизма-ленинизма.

«Только тот,— писал он в статье «О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период»,— кто в истории борется за интересы пролетариата, в соответствии с этим выбирает темы, выбирает противника, выбирает то или иное оружие борьбы с этим противником,— только тот является настоящим историком-ленинцем»¹. Итак, прежде всего «выбор темы» определяет настоящего большевика. Какие же должны быть эти «темы»? На это тов. Покровский отвечает:

«В... историческом анализе современного политического положения, без которого (анализа) это политическое положение невозможно понять, и заключается специфическая, истории свойственная форма соединения теории с практикой»².

Тов. Покровский приводит в качестве важнейшей задачи всей исторической науки борьбу с уклонами («анализ современного положения») и утверждает по этому поводу следующее:

«Не говоря уже об общем корне всего оппортунизма — мелкобуржуазности, — это, так сказать, «социологический» корень оппортунизма,— не-

трудно проследить в глубь если не веков, то десятилетий его конкретно-исторические корни».

И вот тов. Покровский решает важнейшую «задачу истории в реконструктивный период» (!). Это решение гласит:

«Теперешний переплет правого и левацкого уклонов мы встречаем именно в виде переплета еще у народников 70-х годов, которые одним духом утверждали, что тогдашнее Российское государство есть внеклассовая организация и что крестьянин есть герой и творец всей русской истории»³.

Подобную чепуху «конкретно-исторического» характера вряд ли доводилось читателю видеть. Нетрудно сообразить, что этакие исторические экскурсы только затемняют конкретный вопрос о действительных корнях правого и левацкого уклона, смысла которых значение вопроса, опять-таки остроту, его действительную конкретность и его политический смысл, растворяют действительный анализ (данной партией) в сомнительнейших и пустопорожних исторических аналогиях.

Но вернемся к вопросу в целом.

Итак, выбор темы (т.е. ограничение темы для «настоящего большевика») определяется узкосовременными задачами. Повидимому, именно так нужно трактовать установку тов. Покровского. Тем более, что в другом месте той же статьи о задачах истории в реконструктивный период мы читаем о западной истории:

«Руководители этого фронта должны были бы заметить, что увязка теории с практикой в их области начинается уже стихийно и помимо них, в низах: фактически студенты-икаписты западники все связаны с секциями Коминтерна... А где сами западные историки-руководители? Они сидят где-то в дебрях французской революции или истории древнейшего периода германской социал-демократии, или еще где-то в довольно отдаленных местах, которые (места?—Н. Б.) не столько своей отдаленностью, сколько манерой разработки (это у «мест»—манера «своей разработки»

¹ М. Н. Покровский. «Историческая наука и борьба классов». Вып. II. Стр. 393.

² Там же, стр. 393.

³ Там же.

ки» тех же «мест»? — Н. Б.) являются собой отрыв теории от практики»...¹.

Можно подумать, что дело именно в этой отдаленности (отсюда и «дебри» и «древнейший период» социал-демократии). Но нет. Дальше тов. Покровский говорит, что «тут дело не в хронологии». Так в чем же? Ведь вопрос немаловажный. Здесь начинается нечто просто маловразумительное:

«Дело не в хронологии — дело в подходе, дело в том, изучать ли историю как таковую, попадая в ловушку хитрых буржуазных исследователей... или же брать историю как оружие классовой борьбы, как средство вскрыть все и всяческие «идеологии» как наших буржуазных противников, так и более близких к нам и укрывающихся иногда под партийными лозунгами оппортунистов»².

Мы возвращаемся к старому. У Покровского нет и намека на познание об'ективного исторического процесса. Это познание он почему-то считает несовместимым со вскрытием ошибок классовых врагов и их пособников. Более того, в своей последней речи он называет построение об'ективной науки «академизмом».

«И мой завет вам: не идти «академическим путем»... ибо «академизм» включает в себя, как непременное условие, признание этой самой об'ективной науки, каковой не существует. Наука большевистская должна быть большевистской»³.

Большевистская наука не должна быть об'ективной (т.-е. не должна быть наукой); ибо наука (об'ективная) не может быть средством классовой борьбы,—такова «мысль» тов. Покровского.

Но т. Покровскому и невдомек, что в руках пролетариата наука является тем более действительным средством классовой борьбы, чем более она «истина», т.-е. чем больше соответствует она об'ективной дей-

ствительности. Неужели трудно сообразить, что «Капитал», например, сослужил гигантскую службу классовой борьбе пролетариата и срыванию всех масок идеологов буржуазии как раз потому, что он об'ективно, истинно, правильно отражал капиталистическую действительность, вскрыть об'ективные законы которой ставил своей задачей его гениальный автор (см. предисловие Маркса)?

Где во всем построении Покровского хоть намек на революционную диалектику?

Но, по сути дела, как ни юпит Михаил Николаевич, речь идет о том, чтобы «выбирать темы» «ультрасовременные», или только непосредственно связанные с очередными задачами момента. Именно поэтому один из талантливейших последователей Михаила Николаевича, сам крупный ученый, занимавшийся историей, ныне тоже покойный, М. Н. Коваленский, писал, что в своей школе нужно заниматься только «началом и концом» человеческого развития — первобытным коммунизмом и современностью. «Все остальное из курса истории культуры, не исключая Древнего Востока, Греции, Средних веков, реформации, гуманизма, татарщины, опричнины, Смутного времени и т. д., может быть вынесено за пределы собственно школьной работы»⁴.

Когда теперь, при просмотре фильма «Чапаев» герой его говорит, что хочет знать об Александре Македонском, вся публика аплодирует. А руководители «исторического фронта» об'являют, что это противоречит «задачам истории в реконструктивный период»! Вместе с об'ективной, т.-е. правильной, исторической наукой они задумали похоронить и тот «великий теоретический интерес» пролетариата, о котором с таким восторгом говорил Фридрих Энгельс. На этом примере с Чапа-

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. II. Стр. 395.

² Там же.

³ Там же, стр. 406.

⁴ «Основные вопросы преподавания в средней школе». Стр. 24. Цит. по статье тов. А. Панкратовой («Большевик» за 1934 г. № 23).

евым, как в капле воды, виден весь огромный разрыв между необычайно взорослыми потребностями масс в научно-историческом познании и измельчавшей, со всех сторон урезанной, убогой ориентацией руководителя исторического фронта, поставившего знак равенства между партийностью и убогостью. Какое ослепление! Какой вздор!

Тов. Покровский спутал обективную науку с так называемой «чистой», оторванной от практики, наукой. Обективная наука существует: это марксистская наука прежде всего. «Чистой» науки, т.-е. независимой от практики, не бывает и не было. Но великая и многообразная практика победоносного пролетариата требует и великой и многообразной теоретической работы. Это—практика торгашей, их политика существующих партий или их фашистских башибузуков: это практика, преобразующая весь мир Поэтому фронт проследарской обективной исторической науки должен быть несравненно более широким, обемлюющим историю всех народов мира. Уже одно то обстоятельство, что основной мировой наш враг—фашизм—с его расовой теорией усиленно работает на историческом фронте, а мы—СССР—подымаем огромное количество отсталых народов (иногда имевших ранее великие древние культуры), во много раз увеличивает исследовательский фронт и во времени, и в пространстве. Мы никак не хотим преуменьшать всю важность разработки вопроса об уклонах с исторической точки зрения. Но напрасно тов. Покровский думал, что высшая мера партийности марксиста-историка заключается в сведении всей исторической работы к такого рода заданию на весь реконструктивный период. И напрасно он воображал, что историки, занимающиеся германской социал-демократией, или французской революцией, или историей Китая, обязательно должны попасть в хитрые капканы буржуазии. Александр Македонский практический важен, особенно для военных; исто-

рия Китая—для борьбы за его освобождение, для борьбы с фашизмом и т. д. История французской революции («дебри»!)—для сравнения с нашей и различия буржуазной великой революции и великой революции пролетариата (между прочим, Покровский забыл на этот раз, что и Маркс и Ленин учились искусству восстания — очень практическое дело—у Дантона!). Священный союз и Наполеон—весьма полезные предметы изучения, понятно почему. А разве такие, например, новости, как победоносное восстание рабов в Древнем Египте, не расширяют нашего кругозора? Разве, например, рабские революции, о которых товарищ Сталин говорил колхозникам, не имеют для нас значения (почему же тогда о них говорил товарищ Сталин?). И т. д. до бесконечности. Разумеется, должны быть обеспечены прежде всего наиболее важные проблемы. Это—история партии. Но историю партии нельзя оторвать от истории народов. Это—история народов СССР, история Китая, история Японии, история Европы. Огромные задачи. Однако, пора понять, что здесь нужны специалисты многих отраслей, что это—трудное и многосложное дело, а не прогулка по садам словесности, организованным на «историческом фронте», что нужно работать на всех участках этого фронта, что нелепо ворчать насчет «дебрей французской революции», что нужно создавать все новые и новые исторические специальности. Вот как стоит вопрос.

Специально о популярных учебниках Ленин писал поистине золотые слова:

«...Популярная литература только та хороша, только та и годится, которая служит десятилетия. Ибо популярная литература есть ряд учебников для народа, а учебники излагают азы, не меняющиеся по ПОЛУСТОЛЕТИЯМ»¹.

Как это далеко от установок тов. Покровского!

¹ Ленин. Т. V, стр. 232, примечание.

IV. А н т и и с т о р и з м и исторических взглядов тov. M. N. Покровского

Со всех сторон М. Н. Покровский старался ликвидировать богатство и многообразие исторической науки. Но, будучи автором классического определения истории, как только проекции современной политики на прошлое, и выставляя в качестве идеала один анализ «современности» (да и то лишь одной части ее), тов. Покровский неизбежно должен был впасть в антиисторизм, универсализируя специфически исторические категории и перенося их на другие сферы, подобно тому как при анализе «конкретно-исторических» корней право-левашевского блока он нашел их не в практике современной конкретной полосы развития, а в теоретических взглядах народников 70-х годов.

Здесь невозможно останавливаться не только на всех, но даже на наиболее важных положениях тов. Покровского с этой точки зрения. Но на нескольких примерах мы должны все же остановиться.

Сюда прежде всего принадлежит основная концепция Покровского о роли торгового капитала, как собирателя земли русской и организатора самодержавной власти.

«События Руси с самого начала Московского княжества и до Александра Iдвигались совершенно определенным экономическим фактором,— этим фактором был торговый капитал»¹.

«...торговый капитал был настоящий царь, который стоял за коронованным, в сущности, призраком или, если хотите, за коронованным манекеном, был руководящей силой, которая создала и Русскую империю и крепостное право»².

Русское самодержавие тов. Покровский рассматривал, как организацию торговых капиталистов.

Эта концепция представляется нам насквозь неверной и в корне антиленинской. Последнее не подлежит никакому оспариванию. Ведь известно,

что власть царей Ленин рассматривал, как власть помещиков-крепостников-дворян, а вовсе не торговых капиталистов, торговых буржуа, купцов. Объективную необходимость буржуазно-демократической революции Ленин как раз и выводил из конфликта между экономическим развитием капитализма и помещичьей, крепостнической, феодальной надстройкой самодержавия. Это не нужно доказывать. Это—непреложный факт.

А между тем, господство торгового капитала и самодержавия, как его политическая власть, есть ось всей концепции русской истории по Покровскому. Это не случайная обмоловка, не отдельное положение, это — суть взглядов Михаила Николаевича на процесс эволюции «Государства Российского».

Оставим в стороне совершенно неверный взгляд на самодержавие, как на манекен. Перейдем сразу к вопросу о торговом капитализме.

Как известно, обмен и торговля в той или другой пропорции наблюдались почти во все известные нам времена существования человечества. А болютических натурально-хозяйственных форм реально не существовало вовсе, поскольку речь идет не о так называемых «доисторических формациях». Это давало и дает повод многим буржуазным историкам говорить о торговом капитализме во все времена и у всех народов. И Э. Мейер в «Geschichte des Altertums» («Истории древнего мира»), и новейший специалист по средневековью, «король» буржуазной современной науки, Допш, и буквально сотни других говорят о торговом капитализме. (На том же основании Адам Смит считал, что стремление к обмену есть вековечное естественное свойство человеческой души). Между тем торговали и получали барыши не только купцы в собственном смысле этого слова. Торговали и рабовладельческие поместья, и монастыри, и княжеские имения с крепостными, и купцы-рабовладельцы. Теперь, на совершенно особой, отличной от всех предыдущих эпох, основе, торгуют в СССР универмаги, и тресты, и колхозы. Следовательно, категория обмена, торговли, денег

¹ См. цит. сб. Вып. I. Ст. «Борьба классов и русская историческая литература», стр. 27.

² Там же, стр. 28.

определенных накоплений от торговли не отвечает еще ни в какой степени на вопрос об общественно-экономической формации. Но и удельный вес торговых операций тоже совершенно различен в разные времена. Все это совершенно упускается тов. Покровским из поля зрения. У него все виды торговли, приносящие барыш, покрываются термином «торговый капитализм», тогда как торговля может сидеть в порах самых разнообразных способов производства, и даже торговый капитал может существовать — и существует — в не особой фазы «торгового капитализма». Это — во-первых.

Во-вторых, тов. Покровский смешивает силу торгового капитала в экономике с силой его в политике. Даже в те времена, когда настоящий торговый капитал был уже довольно силен в экономике; более того, даже тогда, когда в экономике был уже силен промышленный, а затем финансовый капитал, в политике у власти стояли еще помещики-крепостники.

Таким образом, тов. Покровский в основном вопросе всей концепции русской истории очутился в пленах у буржуазных историков с их универсальной категорией торгового капитализма.

Второй раз он очутился у них в пленах, явно недооценив всего значения истории народов, порабощенных самодержавным режимом царей. Такой истории в концепции Михаила Николаевича Покровского просто нет: ему некогда было заниматься этой «малостью». Крайне характерно, что даже в своей критике буржуазных и мелкобуржуазных концепций русской истории тов. Покровский не нашел достаточного места для осуждения их с этой стороны, хотя для «большевика-ленинца» это, казалось бы, является моментом совершенно исключительной важности. Разве не первейшим долгом для нашего историка было бы, в противовес всем и всяkim буржуазным историческим концепциям «Истории Государства Российского», разработать историю хотя бы главнейших порабощенных им на-

родов? На это никак нельзя ответить «аргументом», что действительной доминирующей силой были, как сие ни печально, господствующие классы «великоруссов». Ибо, ведь марксистский об'ективизм отличается от струвианского об'ективизма тем, что он смотрит и вперед. Как же марксисту не пришло в голову, даже после Октябрьской революции, посмотреть на дело и с этой, исключительно важной точки зрения?.. Лишь в последние годы М. Н. Покровский выдвинул необходимость изучения народов СССР, но при этом впал в другого типа крайность, оторвав изучение этой истории от изучения исторического процесса в России, как определенном государственном образовании.

Но даже если останемся в сфере одной «русской истории» (без других народов), то мы и здесь найдем крупнейшие антиисторические провалы у Покровского: например, его боязнь по-настоящему признать относительную историческую прогрессивность деятельности Петра Великого (вопреки Марксу и Энгельсу, которые признавали положительное значение петровских реформ, ломавших «варварство»); его «революции» и «контрреволюции», без точных специфических исторических характеристик; отсутствие точных оценок различных периодов «русской истории» с точки зрения всего процесса. Так как история есть политика, опрокинутая в прошлое, то все ее агенты — блоком — суть «сплошная реакционная масса», в которой почти все кошки серы, за исключением деятелей крупных революционных народных движений.

Таковы выводы, касающиеся концепции русской истории тов. Покровского.

* * *

В заключение необходимо сказать, что отрицание об'ективных закономерностей развития (тов. Покровский, между прочим, утверждает, что мы к социализму пришли не в согласии с учением марксизма о законах развития и законах гибели капитализма, а «прорвались» «сквозь всякие законы»!! Это пишет

«марксист»!) ¹, об'ективной науки в общем и т. д. идет у тов. Покровского наряду с «вывертами» педагогического-организационного свойства.

Так например он в первой статье цитированного не раз сборника (вып. 1) пишет: «Несомненно, что я и всякий другой лектор, читающий лекции сотням людей,—это, конечно, остаток старой школы в новом, коммунистическом университете. Это — нечто вроде остатка хвоста у человека—инструмент, в значительной степени ненужный». «...курс мы держим на время безлекционное». И т. д. То же о школе вообще, нечто похожее на пресловутую теорию «отмирания школы».

Разумеется, это—не случайно. Но в то же время все это находится в резком противоречии с действительными потребностями нашего времени. Мы должны расстремиться с такими теориями. Мы должны быстро идти к работе по всему фронту, работе добросовестной, глубокой, серьезной, учась

этому делу у великих основоположников социализма и их продолжателей.

Нужно понять, что история есть наука, требующая такого же долголетнего, вдумчивого изучения, как и химия или физика; что ей нельзя научиться в порядке налета и насока; что она крайне многосложна и разветвлена по специальностям; что ее развитие требует многочисленных кадров специалистов своей отрасли, а не беллетристов и не «публицистов»; что необходимо вести историческую работу по всему громадному фронту этой науки; что нельзя считать научным занятием стрижку цитат друг у друга; что нельзя поощрять невежество в области, касающейся иностранной буржуазной науки; что пора покончить с доморощенным провинциализмом, верхоглядством и комчванством; что нельзя отталкиваться радикальной фразой и быть неучем по существу; что нужно воспитывать историков так же, как мы воспитываем инженеров: основным критерием оценки должно быть знание, глубокое знание фактов и марксистский метод их обобщения; основной добродетелью — научная работа, о которой судят по научным результатам, а не по количеству резолюций о текущем моменте на историческом фронте. Пора перестать болтать. Нужно по-серьезному браться за настоящую работу.

¹ М. Н. Покровский «Ленинизм и русская история». 1930. Изд. Комакадемии. Кстати, из этой брошюры (стр. 7) видно, что тов. Покровскому оставалось неизвестным письмо Маркса 1852 г., где он говорит, что главное в его учении—не открытие классовой борьбы, а неизбежность диктатуры пролетариата и уничтожения классов. Хорошенько дело!

